

ХОЛЛИ РИНГЛЭНД

ХОЛЛИ РИНГЛЭНД

ПОТЕРЯННЫЕ

ЦВЕТЫ

ЭЛИС

ХАРТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
P51

Holly Ringland
THE LOST FLOWERS OF ALICE HART

Серия «Вкус к жизни»

Печатается с разрешения автора и литературного агентства Zeitgeist
Media Group Literary Agency, a division of Peacock Consulting sprl.

Перевод с английского *Евгении Лакеевой*
Оформление обложки *Яны Паламарчук*

Ринглэнд, Холли.

P51 Потерянные цветы Элис Харт : [роман] / Холли Ринглэнд ;
[перевод с английского Е.А. Лакеевой]. — Москва : Издательство
АСТ, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-17-107346-6

Цветы, огонь и книги — вот основные составляющие существования девятилетней Элис Харт. Она живет за городом у моря с родителями. Деспотичный отец не разрешает жене и дочери покидать их ферму, девочке не с кем общаться, и тогда мать учит ее языку цветов.

Но однажды случается трагедия, безвозвратно меняющая жизнь ребенка. Она переезжает жить к бабушке на цветочную ферму. Там находят убежище такие же потерянные и сломленные женщины, как и она сама. Привыкнуть к новой жизни ей помогает язык цветов: ведь на нем можно сказать то, чего не передашь словами. Однако по мере взросления всплывшая семейная тайна, разрушительное предательство и близкий человек, который оказывается не тем, кем кажется, обрушиваются на Элис, и она понимает, что есть такие истории, которые цветы не смогут передать.

Если ей нужна свобода, которой она так жаждет, она должна найти в себе смелость рассказать самую главную историю, которую она знает, — свою.

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-107346-6

© Holly Ringland, 2018
© Лакеева Е., перевод, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Женщинам, которые сомневаются в значимости
и силе своей истории.*

*Моей маме, которая отдала все,
чтобы принести мне цветы.*

*А также эта книга посвящается Сэму,
без которого мечта всей моей жизни
не воплотилась бы на бумаге.*

Слеза сверкнула в мраке сада
На страстоцвете у ворот.
Она идет, моя любовь, моя отрада;
Моя судьба и жизнь, она идет.
Роза алая вскрикнула: «Ах, она рядом!»
А белая: «Нет, ждать всю ночь напролет»;
Шпорник слушает: «Тише, шаги у ограды»;
А лилия шепчет чуть слышно и ждет.
Лорд Альфред Теннисон

1

ЧЕРНАЯ ОГНЕННАЯ ОРХИДЕЯ

Значение: Желание обладать

Pyrorchi nigricans / Западная Австралия

*Нуждается в огне, чтобы зацвести. Пускает ростки
из луковиц, которые долгое время могли спать.
Лепестки бледные, с глубокими темно-алыми прожилками.
После цветения чернеют и выглядят так,
словно обуглились.*

Вобшитом сайдингом доме, стоявшем в конце узкой дороги, девятилетняя Элис Харт сидела за письменным столом у окна и воображала, как огонь мог бы преобразить ее отца.

Перед ней на столе из эвкалипта, который смастерил отец, лежала открытая библиотечная книга. Там были собраны мифы об огне со всего мира. И хотя северо-восточный ветер приносил с Тихого океана соленый аромат, Элис чувствовала запахи дыма, земли и горящих перьев. Она читала вслух шепотом:

*Птицу феникс поглощает огонь, чтобы она сгорела дотла
и возродилась обновленной, перевоплощенной, преображенной —
прежней и в то же время иной.*

Элис провела пальцем по иллюстрации, на которой феникс восставал из пепла: его серебристо-белые перья сияли, крылья

были распахнуты, а голова запрокинута в ликующем крике. Она инстинктивно отдернула руку, как если бы золотые, красные и оранжевые язычки пламени в самом деле могли обжечь. Вместе с порывом ветра в окно ворвался бодрящий запах водорослей; музыкальная подвеска в саду ее матери предупреждала, что ветер усиливался.

Перегнувшись через стол, Элис закрыла окно, оставив лишь маленькую щелочку. Она отодвинула книгу в сторону и, не отрывая взгляда от иллюстрации, потянулась за тарелкой с тостами, которые сделала несколько часов назад. Откусывая от намазанного сливочным маслом треугольника, она медленно жевала холодный тост. Каково это было бы, если бы отца поглотил огонь? Все его демоны сгорели бы дотла, и в нем осталась бы только лучшая его часть — она бы возродилась. Пламя вернуло бы его обновленным, превращенным в человека, которым он временами бывал: человека, который сделал для своей дочки письменный стол, чтобы та могла сочинять за ним истории.

Элис закрыла глаза, представив на миг, что море, шум которого она могла слышать через окно, — это ревущий океан огня. Смогла бы она толкнуть туда отца, чтобы его поглотило пламя, как феникса в книжке? Что, если бы он вернулся, тряся головой, словно пробудившись от плохого сна, и распахнул ей свои объятия? «Привет, зайчонок», — сказал бы он. А может, он просто стал бы насвистывать — руки в карманах, а в глазах улыбка. Быть может, Элис больше никогда не пришлось бы видеть, как его голубые глаза темнеют, наливаясь яростью, и краска сходит с лица, а в уголках рта собирается пена, бледная, как он сам. И не было бы у нее других забот, кроме как угадывать, куда дует ветер, выбирать в библиотеке книги и писать за своим столом. Преображенные огнем, прикосновения отца к телу матери, хранящему в себе ребенка, отныне несли бы только ласку, его прикосновения к Элис — только нежность и утешение. А главное, после появления младенца на свет отец стал бы лелеять его, и Элис не пришлось бы лежать без сна, раздумывая, как защитить свою семью.

Она захлопнула книгу. Тяжелый глухой стук эхом прошел по деревянному столу, занимавшему всю стену спальни. Он стоял перед двумя большими окнами, которые распахивались

в сад с курчавыми папоротниками, оленьим рогом и кристией полусердцевидной, за которыми ухаживала мать, пока приступы тошноты не лишили ее сил. Буквально этим утром она пересаживала в горшки рассаду кенгуровых лапок, когда ее согнуло пополам и она бросилась в заросли папоротника. Элис читала за столом. Услышав, что ее мать тошнит, она выскочила в окно и приземлилась на рядки папоротников. Не зная, что еще предпринять, она крепко держала маму за руку.

«Я в порядке, — прошептала женщина сквозь кашель, стиснув в ответ руку дочери, прежде чем отпустить ее, — просто утренняя тошнота. Не бери в голову, зайчонок». Она запрокинула голову, чтобы глотнуть свежего воздуха, ее тусклые волосы откинулись назад и обнажили новый синяк: багровый, как рассветное море, он расплылся вокруг ссадины на нежной коже за ухом. Элис не успела вовремя отвести глаза.

«Ох, зайка, — с волнением в голосе проговорила мама, поднимаясь на ноги, — я отвлеклась на кухне и споткнулась. Из-за ребенка у меня постоянно кружится голова». Она положила одну руку на живот, а другой принялась убирать частички грязи с платья. Элис потупилась и стала рассматривать ростки папоротника, сломавшиеся под весом матери.

Вскоре после этого родители уехали. Элис стояла у входной двери до тех пор, пока облако пыли от отцовского грузовика не растворилось в синеве утра. Они поехали в город на еще одно обследование, чтобы проверить, все ли в порядке с ребенком; в грузовике было только два места. «Будь умницей, милая», — попросила мать, слегка касаясь губами щеки Элис. От нее пахло жасмином и страхом.

Элис схватила еще один треугольник холодного тоста и, зажав его в зубах, полезла в сумку, с которой обычно ходила в библиотеку. Она обещала маме, что будет готовиться к контрольной за четвертый класс, но присланный из школы пробный тест до сих пор лежал на столе нераскрытый. Когда она извлекла из сумки следующую книгу и прочла название, ее челюсти сомкнулись. Экзамен был полностью забыт.

В тусклом свете надвигавшейся бури тисненая обложка книги «Руководство по обращению с огнем для начинающих»,

казалось, ожила и излучала собственное сияние. Лесной пожар мерцал металлическими язычками пламени. Ощущение опасности, предчувствие чего-то захватывающего отозвалось пульсацией в животе Элис. Ладонки у нее вспотели. Только она тронула кончиками пальцев угол обложки, как у нее за спиной звякнула подвеска на ошейнике Тоби, словно ее страх был заклиниванием, вызвавшим пса. Он ткнулся носом ей в ногу, оставив на коже мокрое пятнышко. Элис почувствовала облегчение из-за этого вмешательства и улыбнулась Тоби, который чинно сел рядом. Она протянула ему тост, и пес аккуратно зажал его в зубах, прежде чем отступить на пару шажков и жадно наброситься на угощение. Брызги собачьей слюны попали девочке на ноги.

«Фу, Тобс», — фыркнула Элис, потрепав его за уши. Она подняла палец и поводила им из стороны в сторону. В ответ хвост Тоби заходил туда-сюда по полу. Пес поднял лапу и положил на ногу хозяйке. Тоби был отцовским подарком и самым близким товарищем Элис. Когда он был еще совсем крохой, то слишком часто хватал отца за ноги под столом, тот отшвырнул его, и щенок ударился о стиральную машину. Ехать к ветеринару отец запретил, и Тоби потерял слух. Когда Элис поняла, что он ничего не слышит, она придумала для них с Тоби тайный язык жестов. Она снова провела пальцем перед его носом, чтобы показать, что он молодец. Тоби лизнул Элис в лицо, она рассмеялась и, поморщившись, вытерла щеку. Он немного покрутился и шлепнулся у ее ног. Он уже был не малыш и выглядел скорее как сероглазый волк, нежели овчарка. Элис спрятала босые ноги в его длинной пушистой шерсти. Ободренная его компанией, она открыла «Руководство по обращению с огнем для начинающих», и первая же история сразу захватила ее.

В далеких краях, таких как Германия и Дания, огонь использовали, чтобы сжигать старое и призывать новое, готовиться к встрече следующего этапа в цикле: смене сезонов, жизни и смерти или любви. В некоторых странах плели огромные фигуры из прутьев и плетей ежевики и поджигали, чтобы закончить один период и начать другой — дать чуду свершиться.

Элис откинулась на спинку стула. Ее веки пылали и слипались. Она прижала ладони к странице с фотографией горящего плетеного человека. А какое чудо сотворит ее огонь? Для начала дом перестанут оглашать звуки ломающихся вещей. Воздух не будет больше пропитываться кислой вонью страха. Элис разведет огород, и ее не будут наказывать за то, что она случайно использовала не ту лопатку. Может быть, она наконец научится кататься на велосипеде, не ощущая у самых корней волос папиной разъяренной хватки, грозящей оторвать их от скальпа, если дочь потеряет равновесие. И читать ей нужно будет лишь знаки в небе, а не тени и тучи, набегающие на лицо отца и дающие понять, кто он сейчас — чудовище или человек, который может превратить дерево эвкалипта в письменный стол.

Это произошло на следующий день после того, как он столкнул ее в море и предоставил ей самой добираться до берега. Той ночью он исчез в деревянном сарае за домом и не появлялся два дня. А когда появился, то сгибался под тяжестью прямоугольного стола, который в длину был больше отцовского роста. Он был сделан из древесины пятнистого эвкалипта, имевшей сливочный оттенок, — эти доски отец берег, чтобы сколотить матери новые грядки для папоротников. Элис смущенно переминалась с ноги на ногу в углу комнаты, пока ее отец прикручивал столешницу к стене под подоконником. Ее спальня наполнилась пьянящими ароматами дерева, масла и лака. Он показал Элис, как открывать крышку, державшуюся на петлях из латуни; под ней оказалась неглубокая полость, ждущая, чтобы ее заполнили бумагами, карандашами и книгами. Он даже соорудил подпорку из эвкалиптовой ветки, чтобы Элис могла класть на нее крышку и копать в столе обеими руками.

— Когда в следующий раз поеду в город, раздобуду тебе все карандаши и мелки, какие захочешь, зайчонок.

Элис обвила руками его шею. Он пах мылом «Кассонс», потом и скипидаром.

— Моя маленькая птичка.

Его щетина царапала ей щеку. Слова покрыли язык Элис, словно слой лака: «Я знала, что ты все еще тут. Остайся».

Пожалуйста, не дай ветру поменяться». Но все, что она могла вымолвить, было: «Спасибо».

Взгляд Элис снова переместился на открытую книгу:

Огонь — элемент, для которого необходимо трение, горючее и кислород, чтобы вспыхнуть и гореть. Совершенный огонь требует этих совершенных условий.

Она подняла взгляд и посмотрела в сад. Ветер невидимкой тянул и толкал висевшие на крючках горшки с курчавыми папоротниками. Он завывал в щели приоткрытого окна. Девочка сделала несколько глубоких вдохов, медленно наполняя и опустошая легкие. *Огонь — элемент, для которого необходимо трение, горючее и кислород, чтобы вспыхнуть и гореть.* Элис устремила взгляд в глубь зеленеющего сада матери, уже зная, что надо делать.

* * *

Пока с востока надвигалась буря, заволакивая небо темной завесой, Элис у черного хода уже накидывала на себя ветровку, готовясь выйти из дома. Тоби ждал рядом — она запустила пальцы в густую шерсть собаки. Пес заскулил и уткнулся носом ей в живот. Его уши были прижаты. Ветер обрывал лепестки с маминых белых роз и разбрасывал их по саду, как упавшие звезды. В отдалении, на краю участка, мрачно ссутулился запертый сарай отца. Элис пошарила в карманах куртки и нащупала ключ от сарая. После минутного колебания, собрав все свое мужество, она распахнула заднюю дверь и вместе с Тоби выскочила из дома в бурю.

Хотя ей и было запрещено входить туда, ничто не могло заставить Элис перестать гадать, что скрывалось внутри отцовского деревянного сарая. Как правило, он проводил там время после того, как совершал что-нибудь ужасное. Но когда он возвращался, то всегда был лучше, чем когда уходил туда. Элис решила, что в сарае была заключена некая магия превращений; как если бы его стены таили заколдованное зеркало или сказочную прялку. Однажды, когда Элис была совсем маленькой, у нее хватило смелости спросить, что было там,

внутри. Отец не ответил, но после того, как он смастерил стол, она поняла сама. Она читала в библиотечных книгах об алхимии и знала сказку о Румпельштильцхине. Отцовский сарай был тем местом, где он пряд из соломы золото.

От бега ей жгло ноги и легкие. Тоби облаивал небо, пока вспышка молнии в вышине не заставила его поджать хвост. У двери в сарай Элис достала ключ из кармана и вставила его в висячий замок. Он не поддался. Ветер ужалил ее лицо и чуть не сбил с ног: только благодаря тому, что теплый Тоби прижался к ней, она смогла удержать равновесие. Она попыталась снова и принялась с такой силой давить на ключ, что ладоням стало больно. Ключ не двигался. Паника затуманила ее взгляд. Элис разжала пальцы, вытерла глаза и откинула с лица волосы. Потом попыталась снова, и в этот раз ключ повернулся с такой легкостью, будто скважина была смазана маслом. Элис сорвала замок с двери, повернула ручку и неуверенно шагнула внутрь. Тоби юркнул следом, чуть не наступая ей на пятки. Ветер с грохотом захлопнул за ними дверь.

Помещение без единого окна было наполнено непроницаемой темнотой. Тоби заворчал. Элис потянулась в темноте к псу, чтобы успокоить его. Стук крови в ушах и свирепый рев бури совсем ее оглушили. А тут еще сотни крошечных деревянных башмачков затанцевали на крыше — это посыпались стручки огненного дерева, росшего возле сарая.

Воздух наполнился едким запахом керосина. Элис пошарила в темноте, ее пальцы наткнулись на лампу, стоявшую на верстаке. Она узнала ее по форме: точно такую же мама поставила дома. Рядом лежал коробок спичек. Разгневанный голос в ее голове неустанно твердил: *Ты не должна быть здесь. Ты не должна быть здесь.* Элис съежилась, но все равно открыла коробок. Она вытащила спичку, чиркнула ею по терке и почувствовала запах серы, когда вспышка огня озарила все вокруг. Она поднесла спичку к фитилю керосиновой лампы и водрузила сверху стеклянный колпак. Свет разлился по верстаку отца. Небольшой ящик напротив нее был приоткрыт. Трясушимися пальцами Элис выдвинула его. Внутри была фотография и что-то еще, что Элис никак не удавалось толком рассмотреть. Она извлекла снимок.

Края его обтрепались и пожелтели, но изображение осталось ясным: роскошный причудливый дом, увитый виноградными лозами. Элис снова залезла в ящик, чтобы достать второй предмет. Ее пальцы нащупали что-то мягкое. То, что она вытащила, оказалось прядью черных волос, перевязанных потускневшей лентой.

Мощный порыв ветра с грохотом хлопнул дверью сарая. Элис выронила из рук локон и фото и испуганно обернулась. Никого. Просто ветер. Она сделала несколько глубоких вдохов, сердцебиение начало приходить в норму, но тут Тоби снова зарычал, припадая на лапы. Трясущимися руками Элис подняла лампу, осветив весь сарай. От удивления она открыла рот и почувствовала странную слабость в коленях.

Со всех сторон ее окружали десятки деревянных скульптур, от совсем маленьких до больших, в человеческий рост, и все представляли одних и тех же двух персонажей. Один из них — пожилая женщина за разными занятиями: вот она нюхает лист эвкалипта, вот щупает землю в цветочных горшках, вот лежит на спине, заслонив рукой глаза и указывая вверх, а здесь она держит подол юбки, полный не знакомых Элис цветов. Остальные скульптуры изображали девочку: читающую книгу, пишущую за столом, дующую на одуванчик. Когда Элис увидела себя, запечатленную отцом в дереве, у нее заболела голова.

Вариация за вариацией женщина и девочка заполняли сарай, смыкая кольцо вокруг отцовского верстака. Элис медленно делала вдохи и выдохи, прислушиваясь к биению своего сердца. *Я тут*, — говорило оно. — *Я тут*. Если огонь мог действовать как заклинание, которое обращало одну вещь в другую, то на это были способны и слова. Элис достаточно прочла, чтобы понимать, какой силой могли обладать слова, особенно повторенные много раз. Скажи что-нибудь столько раз, сколько нужно, и это сбудется. Она сосредоточилась на заклинании, бившемся в ее сердце.

Я — тут.

Я — тут.

Я — тут.

Элис медленно поворачивалась, осматривая деревянные фигуры. Она вспомнила, что читала однажды про злого короля, который нажил столько врагов, что был вынужден создать себе целую армию воинов из глины и камня, чтобы они охраняли его. Вот только глина не могла заменить плоть, а камень — сердце и кровь. В конце концов крестьяне, от которых пытался защитить себя король, использовали его собственную армию для того, чтобы убить его во сне. По спине у Элис забегали мурашки, когда она вспоминала прочитанные ранее слова:

Огню необходимо трение, горючее и кислород, чтобы вспыхнуть и гореть.

«Пойдем, Тобс», — сказала она поспешно, переходя от одной деревянной скульптуры к другой. Повторяя жест одной из статуй, девочка взялась за уголки своей футболки так, чтобы получился мешок, в который она складывала самые маленькие из найденных фигурок. Тоби рядом с ней заметно беспокоился. Сердце у Элис бешено колотилось о ребра. В сарае было так много статуй, что пропажи нескольких самых маленьких отец наверняка не заметит. Они станут совершенным горючим, чтобы попрактиковаться в разведении огня.

Этот день Элис навсегда запомнит как день, изменивший ее жизнь необратимо, — пусть даже ей понадобится двадцать лет, чтобы осознать: жизнь движется вперед, но понять ее можно, лишь обернувшись назад. Пейзаж не охватишь взглядом, пока не покинешь его.

* * *

Подъехав к дому, отец Элис заглушил мотор. На лице его супруги появились синяки, которые она массировала одной рукой. Другой рукой она держалась за живот, вжавшись в дверь со стороны пассажирского сиденья. Он собственными глазами видел, как жена дотронулась до руки доктора. Он видел выражение лица доктора. Он *видел* это. Правый глаз дернулся от нервного тика. У жены закружилась голова, когда она стала садиться после УЗИ: он не стал останавливаться по дороге в